

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
ACTUAL PROBLEMS
OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

DOI 10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154

Научная статья

**Юридикo-лингвистическая неопределенность
терминов и норм российских законов**

М.В. Батюшкина

*Законодательное Собрание Омской области,
Российская Федерация, 644002, Омск, ул. Красный Путь, д. 1*
✉ soulangeana@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования де-юре (моделируемой) и де-факто (реальной) интерпретации понятия «юридикo-лингвистическая неопределенность», актуального для современного российского юридическoго дискурса, законотворческой, судебной, экспертной практики. Цель исследования заключается в осмыслении объективных и субъективных причин юридикo-лингвистическoй неопределенности законодательного термина и законодательной нормы, условий, при которых неопределенность рассматривается в качестве атрибута языка права и средства правового регулирования социальных отношений либо недочета формулирования правового правила, разночтений в истолковании. Юридикo-лингвистическaя неопределенность анализируется с различных точек зрения: дихотомии «определенность/неопределенность»; наличия идентифицирующей дефиниции; отношения к системе терминов российского законодательства; вариативности, неоднозначности, двузначности, многозначности понимания; основания для процессуальных решений: экспертной оценки, корректирования нормы законопроекта или действующего закона, не поддержки законопроекта. Субъективные факторы юридикo-лингвистическoй неопределенности рассматриваются, с одной стороны, с позиции профессиональных компетенций авторов-разработчиков законопроектов и специалистов, осуществляющих различные виды экспертиз закона: лингвистическую, правовую, антикоррупционную, юридикo-техническую, педагогическую и др.; с другой стороны, с точки зрения объема правовых и лингвокультурных знаний адресатов – интерпретаторов закона. Методология исследования традиционна для современной русистики и юридическoй лингвистики: анализ, сравнение, дедукция, индукция, аналогия, моделирование, а также контекстуальный, интерпретационный, системный, дискурсивный, междисциплинарный, практикоориентированный и другие подходы. В связи с междисциплинарностью исследования при подготовке статьи использованы работы по лингвистике, правоведению, документам законотворческой, судебной, экспертной практики, тексты российских законов, материал Словаря терминов

© Батюшкина М.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

российского законодательства. Обозначены перспективы исследования: рассмотрение юридико-лингвистической неопределенности в аспекте создания законов на двух и более государственных языках, подготовки ортологических рекомендаций и др.

Ключевые слова: русскоязычный юридический дискурс, текст закона, норма закона, законодательный термин, юридико-лингвистическая неопределенность, лингвистическая экспертиза, толкование

История статьи: поступила в редакцию 05.11.2020; принята к печати 18.01.2021.

Для цитирования: Батюшкина М.В. Юридико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 138–154. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154>

Введение

В целях совершенствования качества российских законов проводится антикоррупционная экспертиза, направленная на выявление и устранение факторов, создающих условия для проявления коррупции. К числу коррупциогенных факторов отнесена *юридико-лингвистическая неопределенность*, под которой в методике проведения антикоррупционной экспертизы понимается употребление *неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера*¹, в рекомендательных актах – *использование категорий оценочного характера и многозначной терминологически не оправданной лексики без уточнения толкования конкретных понятий*².

В термине «юридико-лингвистическая неопределенность», как и его дефиниции, интегрированы юридические, логико-языковые, аксиологические категории, в основе совмещения которых:

– с одной стороны, рассмотрение языка права в качестве составной части юридической техники, обеспечивающей взаимосвязь и должное предписывающее толкование правовых норм и терминов, а также создание правового текста с учетом сложившихся нормотворческих алгоритмов (Алексеев, 1982: 287; Иеринг, 1905 и др.);

– с другой стороны, недостаточность описания выявленного дефекта анализируемой нормы только с юридических позиций, необходимость более

¹ Подпункт «в» пункта 3 «Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 (ред. от 10.07.2017 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Российская газета. 2010, 5 марта. № 46).

² См.: Модельный закон об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (принят в Санкт-Петербурге 17.05.2012 г. Постановлением № 37-12 на 37-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ). URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 01.03.2021); О Рекомендательном глоссарии терминов и определений государств – членов ОДКБ в сфере нормативного правового обеспечения противодействия коррупции (Постановление № 9-4.3 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности, принято в Санкт-Петербурге 24.11.2016 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=61860#jHOLJbSKdURjNeHE1> (дата обращения: 01.03.2021).

высокой степени аргументации, привлечения специальных знаний, вспомогательных по отношению к праву.

Значительное количество работ, посвященных проблематике юрико-лингвистической неопределенности, свидетельствует о востребованности практического использования и вариативности понимания данного термина (Барабаш, 2015; Белоконь, 2012; Власенко, 2017; Галяшина, 2020; Кабанов, 2014; Кузнецов, Соловьев, 2019; Родионова, 2015; Alontseva, Ermoshin, 2018 и др.). В судебной и экспертной практике для решения вопросов, связанных с юрико-лингвистической неопределенностью, и формирования релевантного понимания нормы закона проводится не антикоррупционная, а лингвистическая экспертиза³.

Актуальность исследования обусловлена не только значением данной проблематики для совершенствования качества российских законов, но и необходимостью решения междисциплинарных вопросов, возникающих в законотворческой, судебной, экспертной практике, наполнения методологическим, теоретическим и эмпирическим содержанием общелингвистических и лингвоюридических знаний о законодательных текстах.

Цель

Цель исследования – осмысление объективных и субъективных причин юрико-лингвистической неопределенности законодательных терминов и норм, а также условий, при которых неопределенность рассматривается в качестве атрибута языка права и средства правового регулирования либо недочета формулирования правовой нормы, разных толкований.

Методы и материалы

При выборе методологии учитывается сопряженность лингвистических и экстралингвистических факторов, поэтому методологическая основа исследования включает в себя общенаучные и специальные методы и подходы, применяемые в современной русистике и юридической лингвистике (анализ, сравнение, дедукция, индукция, аналогия, моделирование, контекстуальный, интерпретационный, системный, дискурсивный, междисциплинарный, практико-ориентированный и другие подходы).

Развивая традиции применения дискурсивного подхода, мы рассматриваем юридический дискурс в качестве системной когнитивно-коммуникативной реализации моделирования и интерпретации государственно-правовой сферы социальных отношений.

На наш взгляд, формирование и развитие внутригосударственного юридического дискурса основано на двух взаимообусловленных процессах: с одной

³ См., например: О прекращении рассмотрения дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках (Решение № 46 Коллегии Евразийской экономической комиссии, принято в Москве 16.04.2020 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=65564#FkJLJbSIdf7P1vza1> (дата обращения: 01.03.2021); Заключение комиссии специалистов-лингвистов (М.В. Горбаневский, А.С. Мамонтов, Г.Н. Трофимова, М.В. Батюшкина) о терминологическом словосочетании «экологически чистый продукт» № 15-06/20 от 21.06.2020 г. URL: 9.8.ZakEcolChistProd2020.pdf (rusexpert.ru) (дата обращения: 01.03.2021).

стороны, на создании и трансляции общеобязательных дискурсивных правил и алгоритмов действий, изложенных в виде правовых норм (правотворческий дискурс); с другой стороны, на применении данных правил и алгоритмов в конкретных ситуациях, при наступлении дискурсивно обусловленных событий, создании текстов, которые шаблонизируют, детализируют такое применение, но не содержат правовые нормы (правореализационный дискурс).

В свою очередь, в силу конкретных задач и функционального статуса субъектов правотворчества и правореализации, а также специфики порождаемых текстов, ситуаций и событий в структуре правотворческого дискурса мы выделяем законотворческий дискурс и дискурс порождения подзаконных актов, в структуре правореализационного дискурса – правоприменительный и судебный дискурсы.

Используемые методы и подходы позволяют охарактеризовать и сопоставить особенности понимания неопределенности и юридико-лингвистической неопределенности законодательных терминов и норм, сложившиеся в юридическом дискурсе и его разновидностях; показать специфику объективных и субъективных факторов возникновения юридико-лингвистической неопределенности; упорядочить подходы к пониманию данного термина.

В связи с междисциплинарностью исследования при подготовке статьи использованы работы по лингвистике, правоведению, документы законодательской, судебной, экспертной практики, тексты действующих российских законов. В качестве дополнительного источника привлекались данные Словаря терминов российского законодательства (более 6000 терминов и определений), подготовленного автором на базе исследования актуальных редакций более 460 федеральных законов и изданного в 2021 году.

Результаты

Основные результаты исследования заключаются в осмыслении и описании возможных объективных и субъективных причин юридико-лингвистической неопределенности законодательных терминов и норм, а также условий, при которых неопределенность является атрибутом языка права и средством правового регулирования либо недочетом формулирования правовой нормы, нарушением или вариативностью истолкования.

Во-первых, юридико-лингвистическая неопределенность рассматривается в научном и юридическом дискурсах как неотъемлемый признак правовых норм и текстов, элемент дихотомии «неопределенность/определенность», объективная необходимость изложения нормы закона и общих правил правового регулирования, предоставляющая возможность реализации действий, процессов, осуществления событий. С данной позиции юридико-лингвистически неопределенное понятие обладает высоким потенциалом полисемии и функциональными ресурсами, детерминирующими вариативность интерпретации, контекстуального употребления и ассоциативных связей.

Во-вторых, в законотворческом дискурсе юридико-лингвистическая неопределенность используется в качестве характеристики: а) термина и дефиниции, отсутствующих в системе российских законов; б) неоднозначной контекстуальной интерпретации; в) противоречия, несогласованности между

устанавливаемыми и установленными аспектами правового регулирования. В данных случаях юридико-лингвистическая неопределенность является причиной, основанием, поводом для каких-либо институциональных действий и решений: не поддержки законопроекта, инициирования официального толкования, корректировки нормы закона, замены термина.

В-третьих, с точки зрения юридико-лингвистической неопределенности, семантической трансформации и неустойчивости могут быть рассмотрены варианты законодательных терминов и определений, а также правовые нормы, закрепленные в законах, как одновременно действующих, так и хронологически сменяющих друг друга.

И наконец, к юридико-лингвистически неопределенным относятся результаты речемыслительного процесса: с одной стороны, дефекты изложения правовой нормы, возникающие вследствие неверного (неточного) формулирования и нарушения алгоритмов текстообразования; с другой стороны, непонимание смысла нормы права или ее вариативное осмысливание, обусловленные субъективными речемыслительными возможностями и интерпретационным опытом.

Обсуждение

Гипотетически юридико-лингвистическая неопределенность может быть обусловлена как объективными, так и субъективными факторами.

Объективные кроются в самой природе языка и права, потенциальной лексической многозначности, разнообразии ситуационных и событийных юридических контекстов, правотворческих традициях вербального представления информации.

Субъективные факторы детерминированы речемыслительной деятельностью конкретного человека, формулирующего либо интерпретирующего положение закона. С субъективных позиций неопределенными могут быть не только термин (понятие), но и нормативное предписание, структурно-смысловые блоки текста, текст закона в целом. В результате субъективного восприятия возникают и неизбежные варианты интерпретации, и «конфликт интерпретаций» (Голев, 2015: 141).

Различное трактование юридико-лингвистической неопределенности можно соотнести с одним из подходов к пониманию категории «неопределенность».

1. *Неопределенность – объективная необходимость изложения нормы закона, общих правил правового регулирования социальных отношений.*

Текст закона является промежуточным звеном между абстрактной правовой моделью социальных отношений и многофакторной социальной практикой, реализующей данную модель. Правовое правило, изложенное в законе с помощью вербальных и невербальных средств, есть правотворческая текстовая вариация абстрактной модели права.

С помощью правовых норм (общих правил) устанавливаются рамки и алгоритмы деятельности человека практически во всех сферах социальных отношений. Для того чтобы распространить правовую норму на множество субъектов и ситуаций, необходимо выделить доминантные идентификаци-

онные признаки данных субъектов, ситуаций, типовые способы построения текстов, обеспечивающих программируемое восприятие и оценку.

Это достигается за счет обезличивания, деперсонификации, обобщения, абстрагирования категории вида (употребления отглагольных существительных вместо глаголов), семантической размытости, использования нарицательных имен, неопределенно-личных категорий, неполных (открытых) перечней, устранения декларативности (характерной для конституционных текстов) и чрезмерной детализации (свойственной подзаконным актам).

Примеры: *К аудиторской деятельности не относятся проверки, осуществляемые в соответствии с требованиями и в порядке, отличными от требований и порядка, установленных стандартами аудиторской деятельности*⁴; *В качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации*⁵.

В этой связи неопределенность правовой нормы, абстрактное формулирование, оценочные понятия, «нечеткие определители» (Голубь, Осадчий, 2011) являются объективной и обоснованной необходимостью формулирования законодательной нормы, не являются ее дефектом, поскольку именно данные особенности, в силу неисчерпаемости ресурса их «открытой структуры» (Вих, 1991: 65; Оглезнев, 2020), позволяют распространить норму права на неограниченное количество ситуационных и событийных контекстов, показать системную взаимосвязь норм разных законодательных и в целом юридических текстов, учесть динамику развития социальных отношений (см.: Власенко, 2017; Лукьяненко, 2010; Culver, 2004: 127; Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 г. № 918-О⁶).

Безусловно, законодательная норма не может не обладать некоторой степенью конкретизации и определенности, также обеспечивающей достижение эффективного правового воздействия, как и неопределенность нормы (Баранов, 2014: 10; Рыбаков, Рыбакова, 2020: 52). Для большей семантической определенности, трансляции должного восприятия и выполнимости правового правила на практике используются такие средства, как: порядок слов (тема-рематическое строение), перечисление, противопоставление, соотношение *род – вид* (*род: вид – вид*), *целое – часть* (*целое: часть – часть*), локально-временные характеристики, отсылочные нормы, отраслевые варианты законодательных дефиниций, юридические клише, стандартные речевые формулы, типовые сценарии моделируемых ситуаций.

Примеры: *внешние ценные бумаги – ценные бумаги, в том числе в бездокументарной форме, не относящиеся в соответствии с Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле» к внутренним ценным бумагам*⁷ – отсылка, противопоставление, соотношение «род: вид – вид»; *горные*

⁴ Ст. 1 Федерального закона от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ (ред. от 30.12.2020 г.) «Об аудиторской деятельности» // Российская газета. 2008, 31 декабря. № 267.

⁵ Ст. 1482 Гражданского кодекса РФ (часть IV) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020 г.) // Российская газета. 2006, 22 декабря. № 289.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 г. № 918-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26042016-n-918-o/> (дата обращения: 01.03.2021).

⁷ Ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 24.02.2021 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле» // Российская газета. 1996, 17 декабря. № 253.

работы – комплекс работ (производственных процессов) по проведению, крепленю, поддержанию горных выработок и выемке полезного ископаемого⁸ – перечисление, соотношения «род: вид – вид», «целое: часть – часть».

2. *Неопределенность – отсутствие термина и его идентифицирующей дефиниции в системе действующих российских законов.*

Закрепленность термина и его дефиниции в понятийно-терминологической системе российского законодательства, устоявшаяся терминология необходимы для того, чтобы транслировать толкование, релевантное применительно к целям и предмету конкретного закона, границам моделируемых ситуаций и событий, рамкам функционально-ролевого поведения коммуникантов. Транслируемое с помощью закона определение, как и соотношение понятий, способствует формированию у адресатов-реципиентов должного (предписанного) представления о действительности, исключению при формировании данного представления многообразия ситуационно и событийно незначимых характеристик и возможных ассоциаций.

В этой связи в законах не только широко используются и определяются специальные юридические и неюридические термины (*биологическая безопасность, клонирование человека*), абстрактные понятия (*исключительные обстоятельства, трудная жизненная ситуация*), термины, имеющие метафоричную или метонимичную основу (*служебный спор, утрата доверия*), но и устанавливаются пределы институционального понимания общеупотребительных слов (*год, дорога, лес, ребенок, семья*).

С правовых позиций разграничиваются сходные, но не тождественные понятия (*жилое помещение – жилище*), собственно юридическое и не юридическое значения (*клевета – ложь, неправда*), соотносятся разные (*вооруженное сопротивление – вооруженное нападение*) и близкие по смыслу понятия (*дистанционная работа – выполнение трудовой функции дистанционно*).

Внимание на незафиксированность какого-либо термина и его определения в российских законах обращается, прежде всего, в законотворческом дискурсе при анализе обсуждаемого законопроекта. Выявленный факт отсутствия в законах термина и его дефиниции, определенной способом, исключающим вариативность толкования, рассматривается в качестве юрико-лингвистической неопределенности данного термина и является основанием для доработки, не поддержки, отклонения законопроекта.

Для примера приведем термины, которые именно в связи с отсутствием определения (применения) в законе и возможностью различного понимания были отнесены экспертами к юрико-лингвистически неопределенным: *геолокация, социальная и трудовая реинтеграция, пропаганда криминальной субкультуры* (см. заключения на законопроекты № 5100881-7⁹, 217822-7¹⁰, 318286-7¹¹).

⁸ Ст. 1 Федерального закона от 20.06.1996 г. № 81-ФЗ (ред. от 26.07.2019 г.) «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» // Российская газета. 1996, 27 июня. № 120.

⁹ Заключение на проект федерального закона № 510881-7 «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/510881-7> (дата обращения: 21.02.2021).

¹⁰ Заключение на проект федерального закона № 217822-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части установления возможности предоставления зе-

Отсутствие того или иного термина и его дефиниции в системе действующих российских законов, рассматриваемое в законодательном дискурсе в качестве юридико-лингвистической неопределенности, имеет относительное и непостоянное свойство, поскольку не означает отсутствие данного термина и дефиниции: а) в других специальных терминосистемах и дискурсах; б) в ранее действовавших законах или редакциях законов; в) в будущих законах и редакциях законов. С точки зрения данного подхода, юридико-лингвистически неопределенным термин остается до тех пор, пока не будет закреплён и определен в тексте закона.

3. Неопределенность – отсутствие какого-либо содержательного аспекта в дефиниции и контекстуальной интерпретации термина либо наличие противоречия, несогласованности между устанавливаемыми и установленными аспектами правового регулирования.

В некоторых случаях новый контекст и моделируемые ситуации обуславливают появление нового значения термина, употребляемого в законе и имеющего законодательное определение. Противоречие или несоответствие новой контекстуальной интерпретации термина тому смыслу, который при дается термину в действующих российских законах, также рассматривается в качестве юридико-лингвистической неопределенности.

С данной позиции могут быть проанализированы не только положения разрабатываемых законопроектов, но и нормы действующих законов, регулирующих в совокупности ту или иную область социальных отношений, аспекты данной области. Юридико-лингвистическая неопределенность такого рода выявляется в законодательной, правоприменительной, судебной, экспертной практике и устраняется с помощью уточнения нормы закона.

В качестве примера приведем заключение на законопроект № 1080452-7, разработанный в целях изменения Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»¹². И по мнению разработчиков проекта, и по мнению авторов заключения, положения статьи 8 данного закона содержат следующую юридико-лингвистическую неопределенность.

Из буквального толкования данной статьи следует, что ее положения распространяются на все случаи продажи земельных участков, вне зависимости от формы собственности. Однако на основании совокупного системного анализа норм земельного законодательства данные положения не могут распространяться на случаи продажи земельных участков, отчуждаемых из публичной собственности, и, следовательно, под продавцом в данной статье понимается только частный собственник. Для устранения юридико-лингви-

---

мельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, благотворительным организациям, в том числе осуществляющим деятельность по социальной и трудовой реинтеграции лиц без определенного места жительства, в безвозмездное пользование». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/217822-7> (дата обращения: 21.02.2021).

¹¹ Заключение на проект федерального закона № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части запрета пропаганды криминальной субкультуры». URL: <https://video.duma.gov.ru/bills/show/?id=318286-7> (дата обращения: 21.02.2021).

¹² Заключение на проект федерального закона № 1080452-7 «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона „Об обороте земель сельскохозяйственного назначения“». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1080452-7> (дата обращения: 21.02.2021).

стической неопределенности и выявленной возможности неоднозначного толкования разработчиками законопроекта было предложено (а авторами заключения поддержано) дополнить нормативное положение словами, уточняющими форму собственности.

4. *Неопределенность – вариативность, закреплённость двух и более определений одного термина (неоднозначность, двусмысленность), одного определения разных терминов в системе действующих российских законов.*

Неопределенность в данном понимании связана не с потенциальным, а реальным количеством вариантов, закреплённых в законах, учитывающих специфику тех или иных регулируемых социальных отношений. Данный показатель противоречит принципу однозначности терминологии, постулируемому в юридическом дискурсе: один и тот же термин нельзя использовать для наименования разных понятий и одно понятие нельзя называть разными терминами (Толстик, 2016: 302–307).

По данным Словаря терминов российского законодательства, подготовленного автором в результате анализа действующих федеральных законов, два определения имеют более 250 законодательных терминов (*малочисленные народы, профессиональный риск, эмансипация* и др.), три определения – около 50 терминов (*банк, чрезвычайная ситуация, суд* и др.), четыре определения – 22 термина (*время отдыха, опека, экспертная организация* и др.).

Некоторые термины не только по-разному определяются, но и вводятся в правовой оборот: как в единственном, так и во множественном числе. Примеры:

– **иностранное лицо:** 1) *физическое лицо, юридическое лицо или не являющаяся юридическим лицом по праву иностранного государства организация, которые не являются российскими лицами*¹³; 2) *лицо, не являющееся лицом государства-члена*¹⁴;

– **иностранцы** – *юридические лица и организации в иной организационно-правовой форме, гражданская правоспособность которых определяется по праву иностранного государства, в котором они учреждены; физические лица, гражданская правоспособность и гражданская дееспособность которых определяются по праву иностранного государства, гражданами которого они являются, и лица без гражданства, гражданская дееспособность которых определяется по праву иностранного государства, в котором данные лица имеют постоянное место жительства*¹⁵.

Законодательные термины, имеющие различные специально-отраслевые определения, могут быть рассмотрены с позиции узкого либо широкого зна-

¹³ Ст. 2 Федерального закона от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ (ред. от 22.12.2020 г.) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Российская газета. 2003, 18 декабря. № 254.

¹⁴ Ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/84654882a47691ab62b0afd4460001310215ce3c/ (дата обращения: 01.03.2021).

¹⁵ Ст. 1 Федерального закона от 18.07.1999 г. № 183-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) «Об экспортном контроле» // Российская газета. 1999, 29 июля. № 146.

чения, родовидового и иного соотношения, модельного воспроизводства, развития, трансформации, детализации значения, многозначности и омонимии.

С одной стороны, подобные термины закреплены (= определены) в системе российского законодательства наряду с терминами, имеющими одно универсальное определение. Однако в связи с вариативностью возникают вопросы: насколько и всегда ли обоснованно использование в законах разных определений одного понятия; можно ли отнести термины, различно дефинируемые в одновременно действующих законах, к юридико-лингвистически неопределенным и в силу неоднозначности законодательного определения говорить о несогласованности норм разных законов, внутрисистемных неточностях, межотраслевых противоречиях и нормативно-текстуальных коллизиях?

Кроме того, ключевой правотворческой тенденцией является изменение действующих законов, уточнение их понятийно-терминологической базы. В этой связи возникает другой вопрос – о семантической трансформации и неустойчивости законодательных терминов и определений.

В качестве примеров приведем общеизвестные переименования (*милиция – полиция, учащиеся – обучающиеся, член Совета Федерации – сенатор Российской Федерации*), а также термин *градостроительная деятельность*, законодательное определение которого уточнялось четырежды (дефиниция введена в 2004 году в статье 1 Градостроительного кодекса РФ, уточнялась в 2011, 2017, 2018, 2020 годах¹⁶).

Юридико-лингвистическая неопределенность может быть рассмотрена не только с позиции семантической неустойчивости и трансформации, но и хронологической актуальности по отношению к тому или иному аспекту регулирования, периоду действия закона.

В тексте одного закона или законодательном пространстве в целом термин и варианты его определений могут соотноситься как «еще действующий, но через какое-то время утрачивающий юридическую силу» и «еще не действующий, но через какое-то время вступающий в юридическую силу». С позиции хронологии, первый является линейно предшествующим, второй занимает постпозицию по отношению к ранее действующему.

Как правило, календарная дата смены юридического статуса термина и его определений является одинаковой, то есть с одной даты один вариант признается недействующим в юридическом дискурсе (более не установлен-

---

¹⁶ См.: ст. 1 Градостроительного кодекса РФ от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ // Российская газета. № 290. 2004, 30 декабря; ст. 1 Федерального закона от 28.11.2011 г. № 337-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» // Российская газета. 07.12.2011. № 275; ст. 3 Федерального закона от 29.12.2017 г. № 463-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета (специальный выпуск). 2017, 31 декабря. № 297с; ст. 1 Федерального закона от 03.08.2018 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ“» // Российская газета. 2018, 7 августа. № 171; ст. 1 Федерального закона от 30.12.2020 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ в целях обеспечения комплексного развития территорий» // Российская газета. 2021, 12 января. № 2.

ным, не определенным в законе), а второй – действующим (установленным, определенным в законе). Сравните на примерах определения термина «государственный лесной реестр»:

1) *систематизированный свод документированной информации о лесах, об их использовании, охране, защите, воспроизводстве, о лесничествах*¹⁷ (содержащийся в законе действующий вариант определения, утрачивающий силу с 1 января 2023 года);

2) *свод достоверных систематизированных сведений о лесах, об их использовании, охране, о защите, воспроизводстве, древесине и сделках с ней, иных сведений, а также документов, необходимых для управления в области лесных отношений, обеспечения учета древесины и ее прослеживаемости, учета сведений о сделках с ней*¹⁸ (включенный в закон, но еще недействующий вариант определения, вступающий в силу с 1 января 2023 года).

5. *Неопределенность – результат речемыслительного процесса: с одной стороны, неточности и неполноты формулирования нормы закона, с другой, непонимания, недостаточного понимания или различного понимания нормы закона.*

Несмотря на потенциальную и реальную полисубъектность правотворческого дискурса, законодательная норма всегда имеет конкретных адресантов: автора-разработчика и соавторов, в роли которых выступают, прежде всего, юрист, создающий текст закона, эксперты, анализирующие, интерпретирующие и, при необходимости, корректирующие данный текст.

Поскольку первичная нормативная оценка и интерпретация текста законопроекта осуществляются при проведении различных видов экспертиз: правовой, юридико-технической, антикоррупционной, лингвистической, педагогической и других, вопрос о наличии или отсутствии неопределенности (юридико-лингвистической неопределенности) рассматривается представителями разных научных направлений и дисциплин, обладающих различными профессиональным опытом и мировоззрением.

В этой связи важно: а) что понимается разработчиками и экспертами под «неустоявшимися», «двусмысленными» терминами, «терминологически не оправданной лексикой», «категориями оценочного характера» и в целом под юридико-лингвистической неопределенностью; б) насколько развиты языковая и речевая компетенции разработчиков и экспертов, имеют ли они дополнительное образование в сфере лингвистики; в) каким образом формулируются выводы и есть ли рекомендации по доработке текста в экспертном заключении.

¹⁷ Ст. 91 Лесного кодекса РФ от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ // Российская газета. 2006, 8 декабря. № 277; п. 29 ст. 1 Федерального закона от 04.02.2021 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ в части совершенствования правового регулирования лесных отношений» // Российская газета. 2021, 8 февраля. № 25.

¹⁸ Ст. 93¹ Лесного кодекса РФ от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ // Российская газета. 2006, 8 декабря. № 277; п. 30 ст. 1 Федерального закона от 04.02.2021 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ в части совершенствования правового регулирования лесных отношений» // Российская газета. 2021, 8 февраля. № 25.

От уровня языковой и речевой компетенций адресантов законопроекта, правильной корреляции точек зрения разных адресантов зависит ясность (понятность), точность (необходимость и достаточность), однозначность, четкость и стилистическая нейтральность законодательных формулировок, логика, лаконичность и полнота изложения, отсутствие лексической избыточности, необоснованных повторов.

Наряду с правотворческими традициями и правилами юридической техники, которые в обязательном порядке учитываются при создании законопроекта, адресанты закона обязаны знать грамматические нормы русского языка, правила русской орфографии и пунктуации, жанрово-стилистические особенности текстов российских законов. Лингвистический аспект подготовки и экспертной оценки законопроекта, как минимум: соблюдение требований, предъявляемых к языковым единицам (грамматической правильности, точности и уместности) и законодательному тексту как речевой единице (логичности, содержательности, жанрово-стилистической принадлежности).

Задача адресата законодательного текста – должным образом применить правовое правило, трансформировав его содержание в конкретное решение, действие либо бездействие. Как и создание текста закона, осмысление, а в дальнейшем практическая реализация законодательных норм осуществляются через сознание, умения, поступки конкретного человека.

Несмотря на общий внелингвистический контекст правоприменения (социально-исторические, культурные, иные аспекты действительности), в силу индивидуальности знаний и речемыслительного опыта каждого человека, способности воспринимать и осмысливать « типовые смысловые блоки текста » (Шаклеин, 2018: 555), выверенная с различных позиций законодательная норма, сформулированное законодательное определение могут вполне оказаться неясно, неточно или неоднозначно интерпретируемыми.

Затрудняют понимание повтор и многокомпонентность законодательных терминов, специфика синтаксической структуры текстов законов: осложнение предложений причастными и иными определительными оборотами, многоэлементными перечнями (Сложность российских законов, 2020). При этом, чем более адресат отстранен от юридической сферы общения, тем менее осмысленны функциональные, структурные и содержательные особенности текста закона, менее осознаваемы системная взаимосвязь законов, государственно-правовые, политические, экономические и иные подтексты принятия закона.

В свою очередь, чем меньше адресат понимает пресуппозиционную основу закона, тем более фрагментарно и буквально он истолковывает законодательную норму, воспринимая законодательную лексику в общеупотребительных значениях. Безусловно, что в такой ситуации с большей степенью вероятности неопределенными, неточными и вариативными воспринимаются неконкретные, нечеткие правовые нормы, абстрактная лексика и юридические речевые клише (*достаточные основания, в разумный срок, беспристрастность, добросовестность, и/или*).

Варьирование в виде сужения или расширения правовой семантики, совершенно недопустимое с точки зрения необходимости должной (точной)

и однозначной) интерпретации законодательной нормы, имеет для адресата субъективное обоснование, поскольку именно благодаря до-осмысливанию информация воспринимается в виде целостной и завершенной, соотносится с реальными социальными ситуациями и событиями.

О том, что такие варианты не только возможны, но и допустимы при толковании и применении законодательной нормы свидетельствует, в частности, официальная позиция Конституционного Суда РФ, который (разумеется, в лице конкретных представителей, интерпретирующих нормы и термины) проверяет конституционность положений закона, оценивая не только буквальный смысл рассматриваемых положений, но и смысл, придаваемый данным положениям официальным и иным толкованием, в том числе в судебных решениях по конкретным делам, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из места законодательных норм в системе правовых норм (постановление Конституционного суда РФ № 3-П от 01.02.2021 г.¹⁹).

Заключение

Проведенное исследование обобщает и дополняет имеющиеся знания в области теоретической и прикладной лингвистики по вопросам истоков возникновения и интерпретации законодательных (и в целом юридических) текстов и терминологии. Не менее значимы представленные подходы к пониманию юридико-лингвистической неопределенности для юридической лингвистики, правовой науки, законотворческой, судебной, экспертной практики. Семантический потенциал и специфика определения данного понятия позволяют использовать его широко и вариативно, применительно к конкретным задачам юридического дискурса.

Дальнейшие перспективы изучения юридико-лингвистической неопределенности нам видятся в возможности рассмотрения данного понятия в аспекте создания законодательных текстов на двух и более государственных языках, рецепции правовых норм и понятий. Немаловажным является лексикографическое направление, которое продиктовано необходимостью словарной кодификации законодательной терминологии с позиции лингвистической науки и подготовки ортологических рекомендаций, направленных на развитие культуры речи в юридическом дискурсе и совершенствование качества законодательных текстов.

Список литературы

- Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М.: Юридическая литература, 1981. Т. I. 360 с.
- Барабаш О.В.* «Коррупциогенный фактор» как юридический термин: структура, содержание, дефиниция // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (36). С. 156–164.
- Баранов В.М.* Правотворческая конкретизация: негативный ракурс // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 9–22.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2021 г. № 3-П. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102030007> (дата обращения: 21.02.2021).

- Белоконь Н.В. Юридико-лингвистическая неопределенность: содержание понятия // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. № 1. С. 46–54.
- Власенко Н.А. Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 8–17.
- Галяшина Е.И. Лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов как средство профилактики коррупции // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 147–151.
- Голев Н.Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. 138–148.
- Голубь Н.Н., Осадчий М.А. Нечеткие определители в аспекте деривации смыслов // Актуальные проблемы современного словообразования: сборник научных статей. Кемерово, 2011. С. 402–405.
- Иеринг Р. фон. Юридическая техника / пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1905.
- Кабанов П.А. Юридико-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Административное право и практика администрирования. 2014. № 3. С. 61–71.
- Кузнецов С.А., Соловьев А.А. Конституция Российской Федерации в аспекте требований к русскому языку как государственному // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 2. С. 27–36.
- Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 423 с.
- Оглезнев В.В. «Открытая структура» правовых понятий и теория семантических прототипов // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 94–98.
- Родионова О.Н. Юридико-лингвистическая неопределенность юридико-лингвистической неопределенности // Российский юридический журнал. 2015. № 4 (103). С. 151–154.
- Рыбаков О.Ю., Рыбакова О.С. Языковые парадигмы преодоления неопределенности правовой нормы // Вопросы права государственного языка и языка права: монография / отв. ред. О.Н. Киянова и др. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 124 с.
- Словарь терминов российского законодательства: более 6000 терминов / авт.-сост. М.В. Батюшкина. М.: Флинта, 2021. 568 с.
- Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / ред. А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др.; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 311 с.
- Толстик В.А. Требования, предъявляемые к юридической терминологии: формально-логическое и социокультурное обоснование // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 302–307.
- Шаклеин В.М. Сжатый текст в современной лингвокультуре // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 551–556.
- Alontseva N.V., Ermoshin Y.A. Special aspects of working with the lexical level of legal discourse texts in the English and Russian languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 365–378. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-365-378>
- Bix B. H.L.A. Hart and the “open texture” of language // Law and Philosophy. 1991. Vol. 10. No. 1. Pp. 51–72.
- Culver K. Varieties of vagueness // University of Toronto Law Journal. 2004. No. 54.1. Pp. 109–127.
- Hutton C. Law lessons for linguistics? Accountability and acts of professional classification. International linguistics: a first reader. Oxford: Pergamon, 1988. Pp. 294–304.

Сведения об авторе:

Батюшкина Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, консультант отдела лингвистической экспертизы правового управления Законодательного Собрания Омской области, член научно-методического совета Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). *Сфера научных интересов*: юридическая лингвистика, законодательная дискурсология, лингвистическая экспертиза, нормы и варианты русского языка. Автор более 80 научных публикаций. E-mail: soulangeana@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154

Scientific article

Legal and linguistic uncertainty of terms and norms of Russian laws

Marina V. Batyushkina

*Legislative Assembly of the Omsk Region,
1 Krasnyi Put' St, Omsk, 644002, Russian Federation*

✉ soulangeana@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study of *de jure* (modeled) and *de facto* (real) interpretation of the concept “legal and linguistic uncertainty”, which is relevant for modern Russian legal discourse, lawmaking, judicial, and expert practice. These features are typical for Russian legal discourse, lawmaking, judicial, expert practice, as well as the scientific sphere of communication. The article is aimed at studying the objective and subjective reasons for legal and linguistic uncertainty of legislative terms and legislative norms; analysing the conditions under which uncertainty is considered as an attribute of law language and a means of legal regulation or a defective formulating legal rules, *falsa leclio*. Legal and linguistic uncertainty is considered from different points of view: (a) the dichotomy “clarity/uncertainty”; (b) the legislative definition; (c) attitude to the system of Russian legislation terms; (d) variability, disambiguate, double-meaning; (e) the basis for procedural decisions (expert assessment, adjustment of the norm of the draft law or the current law, rejection of the draft law). The subjective factors of legal and linguistic uncertainty are analyzed, on the one hand, from the position of professional competencies of law developers and specialists examining laws in different aspects – linguistic, legal, anti-corruption, legal and technical, pedagogical, etc. On the other hand, they are analysed from the point of view of legal and other knowledge of the addressees, those, who interpret the law. The research methodology is traditional for modern Russian studies and legal linguistics: analysis, comparison, deduction, induction, analogy, modeling, as well as contextual, interpretive, systemic, discursive, interdisciplinary, practice-oriented and other approaches. Due to interdisciplinary nature of the research, works on linguistics, jurisprudence, legal linguistics, documents of legislative, judicial, expert practice, texts of Russian (federal) laws, materials from the Dictionary of Terms of Russian Legislation were used. The prospects for the study are outlined: considering legal and linguistic uncertainty in the aspect of creating laws in two or more state languages, orthology, etc.

Keywords: legal discourse, text of the law, legislative provision, legislative term, legal and linguistic uncertainty, linguistic expertise, interpretation

Article history: received 05.11.2020; accepted 18.01.2021.

For citation: Batyushkina, M.V. (2021). Legal and linguistic uncertainty of terms and norms of Russian laws. *Russian Language Studies*, 19(2), 138–154. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154>

References

- Alekseev, S.S. (1981). *General theory of law* (vol. 1). Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ. (In Russ.)
- Alontseva, N.V., Ermoshin, Y.A. (2018). Special aspects of working with the lexical level of legal discourse texts in the English and Russian languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(2), 365–378. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-365-378>
- Barabash, O.V. (2015). “Corruption factor” as a legal term: Structure, content, definition. *University proceedings. Volga region. Humanities*, 4(36), 156–164. (In Russ.)
- Baranov, V.M. (2014). Lawmaking concretization: Negative perspective. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(26), 9–22. (In Russ.)
- Batyushkina, M.V. (2021). *Glossary of terms of Russian legislation: More than 6000 terms*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Belokon, N.V. (2012). Legal and linguistic uncertainty: The content of the concept. *Bulletin of the Voronezh State University*, (1), 46–54. (In Russ.)
- Bix, B.N. (1991). H.L.A. Hart and the «open texture» of language. *Law and Philosophy*, 10(1), 51–72.
- Culver, K. (2004). Varieties of vagueness. *University of Toronto Law Journal*, (54.1), 109–127.
- Galyashina, E.I. (2020). Linguistic examination of regulatory legal acts as a means of preventing corruption. *Economic Security Bulletin*, (2), 147–151. (In Russ.)
- Golev, N.D. (2015). Legal terminology in the context of doctrinal interpretation. *Siberian Journal of Philology*, (4), 138–148. (In Russ.)
- Golub, N.N., & Osadchii, M.A. (2011). Fuzzy determinants in the aspect of meaning derivation. *Actual Problems of Modern Word Formation: Collection of Scientific Articles*. Kemerovo. (In Russ.)
- Hutton, C. (1988). *Law lessons for linguistics? Accountability and acts of professional classification*. *International Linguistics: A First Reader*. Oxford: Pergamon.
- Iering, R. von. (1905). *Legal technique* (F.S. Shendorf, Trans.). Saint Petersburg. (In Russ.)
- Kabanov, P.A. (2014). Legal and linguistic uncertainty as a subject of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts. *Administrative Law and Administration Practice*, (3), 61–71. (In Russ.)
- Knutov, A.V., & Plaksin, S.M. (2020). *The complexity of Russian laws. Parsing experience*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.)
- Kuznetsov, S.A., & Solovev, A.A. (2019). The Constitution of the Russian Federation in the aspect of requirements for the Russian language as a state language. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 18(2), 27–36. (In Russ.)
- Lukyanenko, M.F. (2010). Evaluative concepts of civil law: Rationality, good faith, materiality. Moscow: Statut Publ. (In Russ.)
- Ogleznev, V.V. (2020). “Open structure” of legal concepts and the theory of semantic prototypes. *Bulletin of Tomsk State University*, (452), 94–98. (In Russ.)
- Rodionova, O.N. (2015). Legal and linguistic uncertainty. *Russian Legal Journal*, 4(103), 151–154. (In Russ.)

- Rybakov, O.Yu., & Rybakova, O.S. (2020). *Language paradigms of overcoming the uncertainty of the legal norm*. In O.N. Kiyanova et al. (Eds), *Questions of the Law of the State Language and the Language of Law*. Moscow; Berlin: Direct Media Publ. (In Russ.)
- Shaklein, V.M. (2018). Compressed text in modern linguistic culture. *Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia*, (6), 551–556. (In Russ.)
- Tolstik, V.A. (2016). Requirements for legal terminology: formal-logical and socio-cultural rationale. *Legal Technique*, (10), 302–307. (In Russ.)
- Vlasenko, N.A. (2017). The categories “uncertainty” and “certainty” in the study of modern law. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(37), 8–17. (In Russ.)

Bio note:

Marina V. Batyushkina, Candidate of Pedagogy, consultant of the Department of Linguistic Expertise of the Legal Department of the Legislative Assembly of the Omsk Region, member of the Scientific and Methodological Council of the Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes (GLEDID). *Research interests*: legal linguistics, legal discourse, norms and variants of the Russian language. The author of more than 80 scientific papers. E-mail: soulangeana@mail.ru